

ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО У АППИАНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Степанов Игорь Николаевич

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
st081013@student.spbu.ru

LAND LEGISLATION BY APPIAN OF ALEXANDRIA

I. Stepanov

Summary: This article examines the role of the land issue in Appian's "Civil Wars". In historiography, it is widely believed that Appian showed particular interest in him, but upon closer examination, it can be seen that he considers each land event from the point of view of the political content and methods of its implementation, i.e. Appian, it seems to him, is trying to get to the bottom of the true motive of these events, which is unchanged almost throughout the entire narrative - the struggle for power, due to which the content of land laws is sometimes greatly distorted, any social side of them is excluded or pushed into the background.

Keywords: Appian, land, veterans, Civil wars.

Аннотация: В данной статье рассматривается роль земельного вопроса в «Гражданских войнах» Аппиана. В историографии распространено мнение, что Аппиан проявлял к нему особенный интерес, однако при ближайшем рассмотрении можно заметить, что каждое земельное мероприятие рассматривается им с точки зрения политического содержания и методов его проведения, т.е. Аппиан, как ему кажется, пытается докопаться до истинного мотива этих мероприятий, который неизменен почти на протяжении всего повествования — борьба за власть, ввиду чего содержание земельных законов порой сильно искажается, всякая социальная сторона их исключается или задвигается на второй план.

Ключевые слова: Аппиан, земля, ветераны, Гражданские войны.

В историографии можно заметить достаточно упорную тенденцию приписывать Аппиану Александрийскому материалистическое понимание истории. Она проявляется и в западных работах [7, S. 350], но более всего — в отечественном антиковедении, представленном прежде всего советскими авторами [3, С. 259-260], которые в своем стремлении рационализировать древнего историка видят основой повествования его «Гражданских войн» земельный вопрос, по большей части подтверждая свою мысль ссылкой на известное письмо Маркса¹ Энгельсу, где классик пишет, что Аппиан «старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн» [2, С. 126], основа же эта — вопрос о земельной собственности, как нам поясняет Энгельс [6, S. 301].

Мотив этот действительно проходит красной нитью сквозь все повествование, собственно, первые же слова произведения упоминают его: «Между римским народом и сенатом часто происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов» (App. В.С. I, 1; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Далее в повествовании вереницей идут реформы Тиберия Гракха, закон Апулея о галльских землях, раздача земель ветеранам Суллы, разделы Цезаря, распоряжения триумвиров. Однако их описание Аппианом обнаруживает

почти полное нежелание историка касаться социально-экономической сущности этих мероприятий. В статье я постараюсь это продемонстрировать.

В большей степени свидетельства Аппиана обрывочны и кратки, однако реформа Тиберия Гракха представлена достаточно обстоятельно, в ее описании особенно привлекает внимание пространственный исторический экскурс, предваряющий рассказ о самой реформе. Любопытно сравнить настроение этого экскурса с его аналогом у Плутарха. Херонейский биограф в нем однозначно настроен против богатей, причиной народных бедствий он видит их неумную алчность и хитрость, в своем изложении он не скупится на изображение их коварства: «затем богачи исхитрились прибираться к рукам соседние участки через подставных лиц, а под конец уже и открыто завладели почти всю землей» (Plut. Gr. 8; пер. С.П. Маркиша). У Аппиана же совершенно другое настроение: «При этом богатые пользовались покупными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов, с тем чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы» (App. В.С. I, 7; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Богатые люди у Аппиана поступали так не из собственной выгоды, а ради блага государства, как они его понимали. То, что Плутарх называет вопиющим нарушением закона, Аппиан готов простить: «[Положение] было и тяжело,

¹ Любопытно, кстати, что, по мнению некоторых историков, Аппиан оказал большое влияние на формирование материалистической концепции истории Маркса [5, P. 16].

и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей [т.е. богачей], владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им насаждений, строений, всего оборудования» (App. B.C. I, 8; пер. под ред. С.А. Жебелёва). В изложении не видно осуждения крупных землевладельцев, хотя наш историк понимает, что объективно их действия привели к ослаблению государства.

При этом ослабление Республики – основной мотив аппианового рассказа: в том же экскурсе народ беспокоится не о бедственном положении своих сыновей, а о состоянии государства: «[Народ] боялся, что Италия не даст ему больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов» (App. B.C. I, 8; пер. под ред. С.А. Жебелёва). В результате можно заметить, что понятие народа здесь крайне консервативно, под ним подразумеваются те элементы общества, что ввиду своего благополучного материального положения имели возможность думать о государстве. И этот справедливый древний народ, чувший государство, в дальнейшем повествовании противопоставляется личности, заботящейся лишь о своей выгоде. С понятием народа у Аппиана связаны гарантии собственности и твердого порядка, герои же «Гражданских войн» представляют собой революционную силу, осуществляющую насильственный передел этой собственности.

М.Е. Сергеев в свое время заметила, что экскурс этот не отражает реальной картины, но создан на основе целей, которые в повествовании озвучивает Гракх, обращаясь в поисках поддержки к разным социальным слоям римского населения, и имеет в своей основе некий памфлет времен Гая Гракха [4, С. 154]. Вывод любопытный, однако если посмотреть на общую картину земельного вопроса, то можно убедиться, что с той же степенью вероятности он мог быть целиком написан самим Аппианом, поскольку неприязнь к переменам, насилию и всякому проявлению революции – характерные черты его повествования, в полной мере проявляющиеся и в земельном вопросе. Можно еще добавить, что соответствие исторических задач, озвученных в экскурсе, и плана реформы Тиберия объясняется опять же характерным для Аппиана невнимательным отношением к формальной сути земельных мероприятий, что проявляется и в других эпизодах.

Тиберий Гракх у Аппиана является непосредственным продолжателем дела «народа», каким оно предстает в историческом экскурсе, ведь бедствия сограждан, в сущности, ему безразличны, основная его мысль – благополучие государства, основой коего является военная мощь. Восстановить ее реформатор стремится путем возврата к старым временам, т.е. к законам Лициния-Секстия. И именно поэтому Аппиан называет план Тиберия

«превосходным». Однако при попытке вернуть древние справедливые отношения, Тиберий зашел слишком далеко, он предпринял революционное действие – сместил своего коллегу по должности, пусть справедливо, пусть не самовольно, а поставив вопрос на голосование, в чем он даже не нарушил закона, но нарушил обычай, что уже стало достаточным основанием для Аппиана рассматривать дело Тиберия как революционное. Именно это нарушение и погубило «превосходный» план и самого реформатора.

Аграрное законодательство Тиберия Гракха стоит у Аппиана особняком не только потому, что с него начинаются смуты и нестроение в Риме, но в большей степени ввиду своего целеполагания. Как уже было отмечено, Гракх имел в виду пользу государства, что особенно отмечает наш историк, последующие же попытки изменить земельные отношения были направлены лишь на пользу отдельным личностям, стремившимся захватить верховную власть в Городе, ввиду чего они достаточно схожи, почему предлагаю их разбирать по главным их характерным чертам.

Одна из них – почти навязчивая мысль о стремлении мятежного полководца создать себе прочную базу из посаженных на землю ветеранов. Этот мотив является определяющим в описании экспроприаций Суллы. Сообщение о них очень кратко и являет собой лишь один из пунктов в длинном перечне всех бед, причиняемых им населению (App. B.C. I, 96), основное желание его – наказать непокорных и создать слой преданных людей по всей Италии (App. B.C. I, 96). Желание Суллы вознаградить своих ветеранов при этом как мотив Аппианом не рассматривается совершенно. Эти раздачи носят сугубо негативный характер, являют своего рода эталон несправедливости, поэтому дальнейшие земельные мероприятия иногда сопровождаются ссылками на «счастливого полководца» (App. B.C. II, 94; 140).

По смыслу сообщения ближе всего к действиям Суллы стоят раздачи Октавиана и Антония. Автор дает яркую картину бедствий, превосходящих по своим масштабам конфискации Суллы, ведь последний отбирал земли у городов, оказавших наибольшее сопротивление, триумвиры же выбрали наиболее процветающие области (App. B.C. IV, 3). При этом населению он приписывает понимание цели этого передела: «понимали, что война велась не ради пользы Рима, а в интересах правителей, желавших произвести государственный переворот. Награды раздавались и колонии учреждались для того, чтобы более уже не возрождалась демократия, так как устраивались для правителей поселения наемников» (App. B.C. V, 12; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Даже сами виновники открыто заявляют об этом – когда Луций Антоний и Фульвия пытаются провести своих людей в организацию выведения колоний, наш историк замечает,

что ими двигало желание умалить славу Октавиана и поддержать влияние Антония в войсках (App. B.C. V, 14) – чуть позже Антоний скажет, что «Цезарь оклеветал меня перед войском, будто из жалости к земледельцам я препятствую раздаче земель» (App. B.C. V, 39; пер. под ред. С.А. Жебелёва).

Если действия Октавиана и Суллы трактуются однозначно, то описание земельных мероприятий Цезаря-отца в бытность его диктатором выглядит крайне противоречиво. Вплоть до его смерти в повествовании нельзя найти и следа каких-либо притеснений землевладельцам, более того, в одной из речей, что вкладывает в его уста историк, он говорит следующее: «Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев [...], но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю» (App. B.C. II, 94; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Но сказано это восставшим легионерам, требовавшим до того увольнения и наград, поэтому представляется, что данные слова не имеют значения в сравнении с дальнейшими сообщениями, ведь после смерти диктатора ситуация меняется кардинальным образом. В речи Марка Брута, Аппиан упоминает все ту же мысль, которую мы ранее видели применительно к Сулле и триумвирам: «Но этого-то как раз и хотели тираны [...], чтобы вы [...] всегда были бы надежными стражами той власти, которая в данном случае вместе с вами поступает несправедливо»² (App. II, 141; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Более того, Брут здесь ставит действия Цезаря-диктатора в один ряд с мероприятиями Суллы, при этом проявляя значительную осведомленность о выводе ими колоний: «Они поселяли вас в колониях большими массами со знаменами, в военном снаряжении, так что вы не знаете мирного покоя от тех, кто был прогнан» (App. II, 141; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Сложно представить, чтобы Аппиан вложил в уста человеку, говорящему перед лицом самих ветеранов, пустые слова. К тому же в третьей книге упоминаются многочисленные судебные процессы, которые велись против Октавиана как наследника Цезаря из-за земельных участков, при этом тяжущиеся указывали, что «земля была отнята [его отцом] при проскрипциях в результате происшедших конфискаций, изгнаний и казней» (App. III, 22; пер. под ред. С.А. Жебелёва), однако аргументы Октавиана о том, что Цезарь покупал эти участки, не принимались в расчет, будущий триумвир терпел одно судебное поражение за другим.

Вопрос о конфискациях Цезаря в историографии является дискуссионным [12, S. 187], возможно, вскрывшись после смерти Цезаря свидетельства о притеснениях являются плодом недовольства тех землевладельцев, которые под давлением должны были уступить свою

землю в обмен на некие обещания диктатора о будущих компенсациях, неосуществленных после его смерти [8, P. 55]. Однако для Аппиана эти конфискации безусловно существовали и были даже сравнимы с сулланскими, ведь и цель указана та же, что и применительно к Сулле и триумвирам. Представляется, что такой перенос критики земельных раздач диктатора в повествование о делах, происходящих уже после его смерти, являют собой художественный прием, ведь основная тяжесть этой критики вложена в уста врага Цезаря. Отмечу также, что Аппиан, вероятно, здесь следует оптиматской традиции, представленной в т.ч. в письмах Цицерона, из которых мы узнаем, по выражению Малица, что «поездки цезаревых землемеров были предметом постоянного страха землевладельцев» [11, S. 62].

Другой чертой земельного вопроса у Аппиана является стремление проникнуть вглубь описываемых мероприятий, отыскать, как ему кажется, за внешней ширмой помощи неимущим политический расчет и стремление к власти, хотя черта эта в описанных мероприятиях также присутствует, но наиболее ярко она проглядывается в земельном законодательстве Цезаря и в особенности Апулея Сатурнина.

По поводу законов Цезаря Аппиан ограничивается коротким сообщением: «Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для заселения, предложил раздать людям, имеющим троих детей» (App. B.C. II, 10; пер. под ред. С.А. Жебелёва). Изображение данного закона у Аппиана следует рассматривать не в контексте развития земельных отношений в Риме, но лишь применительно к борьбе Цезаря со своим коллегой по консульству, Бибулом, поскольку будущий диктатор выдвигает его затем, чтобы обеспечить себе народную поддержку. Цезаря поддерживают Помпей с Крассом, но не потому, что закон был выдвинут в интересах ветеранов Помпея [14, S. 11], а лишь ввиду союза с будущим диктатором. На стороне Бибула же выступает сенат, оказывающий жестокое сопротивление новому закону и связанной с ним растущей популярности Цезаря. Аппиану не интересна сущность закона, он не приводит его истории, долгой борьбы вокруг наделения ветеранов Помпея землей, более того, он смешивает два земельных мероприятия Цезаря — раздачу земель бедным и раздел кампанского поля — это не имеет для него никакого значения [16, S. 407], в повествовании на его месте мог быть некий абстрактный *lex frumentaria*, сущность эпизода от этого бы никак не изменилась, ведь, как и Помпей с Крассом поддерживают Цезаря не именно из-за данного закона, так и сенат противостоит не само-

2 Из этих слов опять видно, что для Аппиана основой всех действий с землей эпохи гражданских войн является личная воля претендента, ведь он полностью исключает желание ветеранов селиться не в глухих провинциях, а именно в Италии.

му закону, а Юлию, никаких даже малейших замечаний с их стороны по существу в тексте нет, лишь чрезвычайно драматические и отчаянные попытки обструкции. И такое изображение не оригинально, но при этом характерно для Аппиана. Мотив обструкции и земельного закона в качестве средства приобретения власти можно встретить у Светония (Suet. D.C. 20), Веллея Патеркула (Vell. Pat. II, XLIV, 4-5) и Плутарха в биографиях Цезаря (Plut. Caes. 14) и Помпея (Plut. Pomp. 47). В биографии Катона Младшего встречается замечание, что Помпей, не найдя поддержки в сенате относительно своих распоряжений на Востоке, «стал призывать солдат к разделу земли» (Plut. Cat. 31; пер. С.П. Маркиша), сблизился с Цезарем, который и провел нужный закон, однако и здесь, описывая земельные законы Цезаря, Плутарх делает акцент на политическом влиянии, который дает этот закон, чем он, собственно, и плох (Plut. Cat. 31, 34). И лишь Дион Кассий останавливается на неудаче Помпея с земельным законодательством очень подробно, рассказывая среди прочего о законопроекте Луция Флавия о наделении земель ветеранов Помпея, предусматривающим и участие в разделе простых граждан, что было сделано в целях привлечения народа к положительному мнению о законе (Dio Cass. XXXVII, 49). Однако и он, подобно Плутарху и остальным, говоря о земельном законе Цезаря, пишет, что тот искал расположения народа (Dio Cass. XXXVIII, 1).

Теперь перейдем к рассмотрению во многом сходного земельного закона Апулея Сатурнина. По мнению Аппиана, он был задуман, чтобы расправиться с политическими врагами, для которых принятие его по какой-то причине было принципиально невозможным, в результате чего сущность закона отходит в повествовании на второй план — противоречия между городским плебсом и сельским населением, преимущественно италийцами, многие из которых были ветеранами Мария, в пользу которых и был выдвинут этот законопроект, выступает лишь как фон основного противостояния Апулея, Главции, Мария и сената. При этом Марий в принятии данного закона — явно второстепенная фигура, поскольку его еще ранее склонили к союзу Апулей и Главция (App. B.C., I, 29), основной его мотив — неприязнь к Квинту Цецилию Метеллу, его ветераны — не цель, а средство в принятии закона, в результате представляется очевидным, что содержание закона совершенно не имеет значения, ведь он — просто средство к устранению врагов.

Хотя Вернер Шур пишет, что сопротивление сената было вызвано самой сущностью закона [15, S. 89], однако представляется, что сам закон должен был удовлетворить народные интересы, не затрагивая существующих земельных отношений в самой Италии [12, S. 93]. Несмотря на это конфликт стал принимать угрожающие формы, но причины его в повествовании Аппиана (и

Плутарха), на первый взгляд, кажутся неясными. Конструктивных возражений против раздела освобожденных от кимвров и ставших государственными земель в тексте не видно. Более того, противление закону не может быть объяснено и личной неприязнью сенаторов к Марию и его товарищам, поскольку в повествовании сенат полностью доверяет Марию, а относительно Сатурнина проявляет смешанные чувства — второй цензор не поддержал Метелла в его намерении исключить популярного из сената³ (App. B.C., I, 28). Можно сказать, что эта запутанность объясняется не совсем удачным построением эпизода у Аппиана — сам закон кажется той самой софизмой, что придумали Апулей и Марий, однако движущей силой эпизода является не он, а добавление, сделанное к нему — клятва, которую обязан был дать сенат. Можно сказать, что земельный закон упоминается постольку, поскольку с ним связана клятва — другие важные мероприятия Сатурнина Аппиана не интересуют [16, S. 422]. На нее делает упор в своих выступлениях перед сенатом Марий (App. B.C., I, 30), она является основным препятствием к принятию закона, что ясно видно из мотивации Метелла — он отказывается дать клятву из-за гордыни, «ὕπὸ φρονήματος» (App. B.C., I, 29). Именно это добавление позволяет спровоцировать сенат. Хотя стоит отметить, что таковое построение эпизода, очевидно, не принадлежит собственно Аппиану, который пишет в русле общей оптиматской традиции, которая почти единодушна в данном вопросе [9, S. 261-269]. Наиболее точно мотив деятельности этих персонажей находим у Павла Орозия, где он, вовсе не упоминая земельного закона, указывает, что «Марий, бывший консулом в шестой раз, претор Главкия и народный трибун Сатурнин сговорились тайным образом, во что бы то ни стало, отправить в изгнание Метелла Нумидийского» (Paul. Oros. H. c. p. XVII, 4; пер. В.М. Тюленев). И лишь Аврелий Виктор, сравнительно подробно описывая саму сущность законодательства, указывает причиной, побудившей Апулея его выдвинуть, желание завоевать популярность у ветеранов Гая Мария (Aur. Vict. d. V. ill. 73, 1). Более того, у него требование клятвы четко отделено от самого закона (Aur. Vict. d. V. ill. 73, 6-7).

Также стоит отметить, что работе нашего историка нет даже малейшего упоминания закона Сервилия Рулла, который являлся одним из важнейших событий в истории аграрного законодательства той эпохи. Отсутствие его можно объяснить и простым незнанием, но скорее всего он просто не был интересен Аппиану, который рассматривал земельные законы послегражданского времени в качестве политического инструмента в борьбе за власть. Закон же Сервилия открыто не ставится в связи с какой-нибудь сильной личностью, более того, он не был принят, а значит не повлиял на продвижение этой самой личности.

3 Гельмут Шнайдер полагает, что цензоры отказались от своего замысла из-за народного возмущения [13, S. 92].

Об отсутствии специального интереса к земле или даже об отрицательном отношении Аппиана ко всем земельным переделам свидетельствует также и то, что несмотря на всю религиозность нашего историка [10, P. 13], земля и религия идут в тексте параллельно, никак и никогда не соприкасаясь, хотя земельный вопрос прямо подталкивает к этому [1, С. 165]. Не вдаваясь в обширную традицию вопроса, приведу близкий к теме пример: Плутарх, передавая речь Тиберия Гракха по поводу своего закона, приводит следующие слова: «ни у кого из такого множества римлян не осталось отчего алтаря, никто не покажет, где могильный холм его предков» (Plut. Grac. 9). Сам Гракх мог использовать этот мотив [17, S. 231], но у Аппиана в параллельном месте мы этого не встречаем, наш историк глух чаяниям народа, что сам подчеркивает при описании целеполагания Гракха: государство важно для него, не народ.

В заключение же скажу, что, как справедливо пишет Гельмут Шнайдер, «Оптиматы больше не могли видеть социально-политические проблемы ни в каком другом аспекте, кроме политики силы» [13, S. 190]. Аппиан строго придерживается этого взгляда. Каждое земельное мероприятие рассматривается им с точки зрения политического содержания и методов его проведения,

т.е. Аппиан, как ему кажется, пытается докопаться до истинного мотива этих мероприятий, который неизменен почти на протяжении всего повествования — борьба за власть, ввиду чего содержание земельных законов порой сильно искажается, всякая социальная сторона их исключается или задвигается на второй план, что касается в особенности необходимости наделения ветеранов землей, которая открыто и четко присутствует только в деятельности триумвиров, да и там несколько скрадывается указанием на политическое значение выведения колоний в Италии. Даже в реформе Тиберия Гракха для Аппиана важен именно политический аспект, как с точки зрения цели, коей является благополучие государства, а вовсе не отдельных римлян, так и методов политической борьбы, в результате которых были попорчены старые обычаи, и даже убиты должностные лица, что составляет особенный интерес нашего автора [16, S. 419]. При этом те законопроекты, которые не вызвали острой политической борьбы, как творения Сервилия Рулла или Луция Флавия, им вовсе не упоминаются. Хотя многие указанные эпизоды имеют значительное сходство с параллельными местами других источников, все же представляется, что единство их описания говорит о мировоззрении самого историка, которое, конечно, сформировалось под сильным влиянием оптиматской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения. Т. 1. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 654 с.
2. Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 фев. 1861 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс Собрание сочинений в 50-ти томах. Т. 30. М., 1963. С. 124–126.
3. Севастьянова О.И. Аппиан и его «Римская история» // ВДИ, 1950, №2. С. 253–262.
4. Сергеенко М.Е. Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // ВДИ, №2, 1958. С. 150–156.
5. Bonnell A.G. A 'Very valuable book': Karl Marx and Appian // Welch K. (ed.) Appian's Roman History: Empire and Civil War. Roman culture in an age of civil war. Swansea: Classical Press of Wales, 2015. P. 15–21.
6. Engels F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie // Karl Marx, Friedrich Engels Werke. Band 21. Berlin/DDR: Dietz Verlag, 1975. S. 291–307.
7. Hose. M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart–Leipzig, 1994. 533 S.
8. Keppie L. Colonisation and Veteran Settlement in Italy 47–14 B.C. (British School at Rome supp. publ.). London: British School at Rome, 1983. 262 p.
9. Klebs E. Appuleius 29 // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, 1895, Band II, 1. Stuttgart. S. 261–269.
10. Kramer G. Theologumena Appiani. Vratislaviae: typis G. Hoyer, 1899. 73 с.
11. Malitz J. Die Kanzelei Caesars — Herrschaftsorganization zwischen Republik und Prinzipat. // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, 1987, 36. S. 51–72.
12. Schneider H. Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn: in Kommission bei Rudolf Habelt Verlag GmbH, 1977. 291 S.
13. Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur Krise und Niedergang einer antiken Republik. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2017. 313 S.
14. Schneiderhan V. Die Politik des Caius Julius Caesar in seinem ersten Konsulat. Rottweil: Druck von M. Rothschild, 1939. 72 S.
15. Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 249 S.
16. Steide W. Beobachtungen zu Appians 'ΕΜΦΥΛΙΑ // Hermes, 1983, Bd. 111, H. 4. S. 402–430.
17. Stern E. von. Zur Beurteilung der Politischen Wirksamkeit des Tiberius und Gaius Gracchus. // Hermes, 1921, Bd. 56, H. 3. S. 229–301.

© Степанов Игорь Николаевич (st081013@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»